

Да, трудно определить жанр спектакля “Весна в ЛЭТИ”. Это не чисто драматический спектакль, так как в нем было много музыки, танцев. Но это и не музкомедия, и, конечно не мюзикл. Это веселый, озорной студенческий спектакль, в котором были круто замешаны воедино все доступные нам виды сценических искусств, и который покорял зрителей и смелыми гиперболами и отходом от жестких канонов социалистического реализма, безраздельно царившего в те годы на профессиональных сценических подмостках. Так в сцене столовой под музыку А. Хачатуряна (танец с саблями) врывались танцоры-поварята с огромным дефицитным ножом — одним на всех. В комитет комсомола вваливался эстрадный оркестр и проводил в нем свою репетицию. В раздевалке спортзала происходила борьба студентов за единственный стул (этот номер исполняли акробаты под руководством А. Плотникова). Дружно ахал зал, когда в сцене общежития, напуганный криком “Птичкина дома нет!”, студент (его играл акробат) плашмя падал на спину. А в сцене сдачи курсового проекта Кукеш проваливался куда-то вниз. Он, желая доказать, что курсовой проект выполнил сам, кричал “Да провалиться мне на этом самом месте!” — и проваливался.

Кстати, нехитрый прием “провала” несколько лет спустя был использован Э. А. Рязановым в кинокомедии “Карнавальная ночь”. Но в кино-то легко провалить кого угодно (даже Игоря Ильинского) и куда угодно, а что было делать нам? На любой приличной театральной сцене (а на других мы не играли) имеется люк, крышка которого открывается наверх. Перед началом сцены при закрытом занавесе мы поднимали крышку люка и спускали ее вниз под сцену. Отверстие в настиле сцены закрывали легким половичком или ковриком. Перед словами Кукеша: “Да провалиться мне на этом самом месте”, мускулистые ребята (это были акробаты) поднимали на руках тяжелую крышку люка и прислоняли ее к отверстию под половичком. Произнеся свое заклинание, Кукеш делал шаг в сторону, вставал на половичок и крышку, после чего акробаты под грохот литавр и барабанов быстро опускали ее вниз. На сцене гас свет, и только мощный красный луч прожектора освещал путь Кукеша в преисподнюю.

Надо отдать должное И. Трегеру. Каждый раз перед тем, как встать на предательский коврик, он должен был собраться в кулак всю свою волю и убедить себя, что акробаты уже успели поднять крышку злосчастного люка.

С этим люком однажды произошла неприятная история. Дело было на гастролях в Москве. При закрытом еще занавесе стайка девочек из хора пробежа-

ла по сцене, когда люк был открыт, а отверстие в настиле закрыто половичком. Одна из девочек — всеобщая любимица, солистка хора и эстрадного оркестра, обладательница сильного и красивого голоса — Леночка Десницкая рухнула в яму, приготовленную для Кукеша. Слава богу, все обошлось более-менее благополучно.

Весь институт знал рассказы заведующего кафедрой технологии металлов Горшкова о том, как ценят его на металлургических заводах юга страны. Кончалась сцена общежития тем, что четверо студентов ложатся спать и на экране появляется изображение их снов. Одному студенту снится побережье Черного моря с пальмами на пляже и с дымящимися заводскими трубами на горизонте. В это время раздается мощный рык Алика Дымшица (ныне доктора технических наук) “Меня ждут заводы юга!!!” Трудно описать, что происходит в зале после этого. Я боялся, что рухнет Дворец культуры. Впоследствии, когда спектакль стал играть не только для студентов ЛЭТИ, этот эпизод мы вынуждены были убрать.

Исполнители спектакля завидовали Олегу Скворцову. Свой текст клоуна в сцене бала он мог выкрикивать в полный голос. А каково было остальным? Как, например, объясниться в любви Нине Алмазовой, чтобы было слышно во всех уголках полутора тысячного зала? Ведь у нас не было ни профессиональных навыков, ни микрофонов! Микрофоном пользовался только диктор Валентин Глазанов, при озвучивании кинопрологов (сделать кино звуковым мы тогда не могли). Остальным приходилось форсировать звук, иногда в ущерб рисунку роли.

В те годы, наверное, еще не было (во всяком случае, на Ленинградском телецентре) видеоманитофонов. Поэтому наш спектакль шел, как говорят теперь, в прямом эфире. Для этого мы играли “Весну в ЛЭТИ” два дня подряд в одном и том же помещении. Телевизионщики подогнали к Дворцу культуры им. С. М. Кирова два или три автобуса с надписью “Телевидение” с антеннами на крышах и длинными кабелями, которые были протянуты в зрительный зал. На первом из этих спектаклей трансляции не было — “проверялся канал”. А на следующий день программа Ленинградского телевидения была подчинена нашему спектаклю. Операторы не знали точно, когда мы откроем занавес, поэтому перед спектаклем и перед вторым действием они показывали закрытый занавес и публику в зале. В первом ряду можно было увидеть А. И. Райкина с супругой. За несколько дней до этого, в антракте спектакля Театра Эстрады, я нашел за кулисами Аркадия Исааковича и

пригласил его на наш спектакль. Великий артист с благодарностью принял приглашение и потратил один из весьма немногих своих свободных вечеров, чтобы посмотреть самодеятельный спектакль студентов технического вуза. Можно ли привести более весомое доказательство популярности “Весны в ЛЭТИ”?

Запись спектакля в радиокомитете происходила ночью, из-за чего некоторые участники хора и оркестра не смогли принять в ней участие. А жаль. В сохранившейся записи хор и оркестр звучат не так мощно, как это было на спектаклях. Накануне записи вдруг оказалось, что для чтения дикторского текста радиокомитет, считая, видимо, что говорить “входит Птичкин”, “уходит Смирнов” может только профессионал, пригласил актера Н. Трофимова (тогда он работал, кажется, еще не в БДТ, а в театре Комедии). Нам же казалось, что красивый баритон читающего дикторский текст В. Глазанова (ныне В. Е. Глазанов — известный бард, а кроме того, доктор технических наук, лауреат премии Правительства Российской Федерации) ничуть не хуже дисканта Н. Трофимова, а главное — он является голосом нашего спектакля. В результате длинных переговоров пришли к компромиссу: текст поделили между двумя дикторами. Так и остался в аудиозаписи “Весны в ЛЭТИ” голос артиста Николая Трофимова не имевшего, ни до, ни после записи, никакого отношения ни к ЛЭТИ, ни к “Весне в ЛЭТИ”.

Спектакль в Центральном детском театре чуть не был сорван из-за того, что пожарные запретили устанавливать нам кинопроектор в зрительном зале. Никакие заверения в том, что пленка, на которой были записаны кинопрологи, негорючая, не помогли. Помог телефонный звонок в Ленинград главному ленинградскому пожарному, отцу студентки ЛЭТИ Т. Кончаевой. Он уговорил московских коллег, и спектакль состоялся.

Если зеленый свет “Весне” открыли комитет комсомола и партком, то тяжесть организации и проведения спектакля легла на плечи профкома и в пер-

Борис Крылов в роли студента с хвостом.

